

УДК 94(571.16)''1905/1917''
DOI: 10.17223/19988613/55/9

О.А. Харусь

ОБЩЕСТВА ОБЫВАТЕЛЕЙ И ИЗБИРАТЕЛЕЙ В СИБИРИ КАК ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 33.1687.2017/4.6).

Рассмотрены уставные нормы и программные положения обществ обывателей и избирателей в Сибири. Проанализированы основные направления и результаты их деятельности в 1909–1910 гг. Определено значение обществ в двух измерениях: как идеального проекта и как практического опыта модернизации местного самоуправления. Сделан вывод о соответствии целей и ключевых ориентиров обществ либеральной стратегии социально-политического развития. Выявлены причины провала попыток либеральной общественности обеспечить демократизацию системы городского самоуправления на основе учета мнений и интересов населения.

Ключевые слова: городское самоуправление; Сибирь; либерализм; начало XX века.

Специфика системы местного самоуправления в Сибири начала XX в., связанная с отсутствием земских учреждений, наложила отпечаток на многие социально-политические процессы в регионе. В частности, это обстоятельство придавало особый импульс действиям инициативной общественности по разработке проектов земской реформы. С другой стороны, в сложившихся обстоятельствах возможности для практической деятельности на ниве местного самоуправления имелись только в городе и были ограничены рамками действующего Городового Положения. Именно поэтому в Сибири особую активность проявили общества обывателей и избирателей, деятельность которых в Европейской России не стала сколько-нибудь заметным явлением социально-политической жизни ввиду преимущественной концентрации внимания общественности на организации работы в земстве, воспринимавшемся как высшая форма самоуправления.

Осенью 1909 г., в преддверии очередных выборов в городские думы, общества обывателей и избирателей появились во всех крупных городах Сибири, в частности в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Барнауле, Чите [1. С. 601]. Их деятельность широко освещалась в местной прессе, стала предметом пристального внимания органов власти различного уровня и, естественно, не могла остаться незамеченной историками [2. С. 101–102; 3. С. 178–185; 4. С. 134–135; 5. С. 29–30]. Однако содержащиеся в научной литературе фрагментарные и весьма лаконичные сведения не позволяют составить комплексное представление о роли и значении этих организаций в общественно-политической жизни региона.

Между тем этот эпизод в истории местного самоуправления, по-видимому, заслуживает более глубокого осмысления, поскольку демонстрирует специфический опыт взаимодействия инициативной общественности региона с институтами власти. Особый интерес, в частности, представляет вопрос о соотношении целей и намерений

организаторов обществ обывателей и избирателей с результатами их деятельности. Поскольку все исследователи сходятся во мнении относительно доминирующей роли кадетов в этих организациях, замыслы учредителей и направленные на их реализацию практики целесообразно рассматривать в контексте идеологических и программных установок партии народной свободы для выявления степени соответствия тактических действий стратегическим ориентирам либералов. Отмеченные обстоятельства стали основанием для постановки центральной проблемы данной статьи, суть которой сводится к определению значения обществ обывателей и избирателей в двух измерениях: как идеального проекта и как его практического воплощения в конкретно-исторических условиях начала XX в.

Доминирование либерально настроенных представителей инициативного меньшинства в составе учредителей и в руководстве обществ обывателей и избирателей в Сибири подтверждают данные самых разнообразных по происхождению и характеру источников. Список учредителей барнаульского общества открывала фамилия мирового судьи кадета К.Э. Клярнера [6. Л. 2]. Членами кадетской партии были все 9 членов-учредителей красноярского общества [3. С. 180]. Учредителями иркутского общества являлись кадеты Б.П. Шостакович, С.Е. Шишкин, Г.И. Русанов, Д.З. Белкин [7. Л. 194]. Прочные позиции заняли кадеты и в руководстве созданных при их непосредственном участии организаций. В Омске председателем правления общества обывателей и избирателей был избран член кадетской партии А.А. Морозов [8. 1910. 14 марта]. В состав комитета томского общества входили кадеты А.И. Макушин, И.П. Свинцов, А.Н. Гаттенбергер, П.И. Иванов, В.Л. Малеев, А.А. Жемчужников [Там же. 4 февр.]. Семь из двенадцати мест в руководстве иркутского общества принадлежало кадетам (П.И. Федоров, С.Е. Шишкин, Б.П. Шостакович, Г.И. Русанов, Б.А. Ельяшевич,

И.С. Фатеев, Д.З. Белкин). К тому же кадеты А.С. Первунинский и И.Ф. Астраханцев числились кандидатами в члены комитета общества [7. Л. 193–194]. В Красноярске 6 из 12 членов комитета были кадетами [3. С.180], а председателем комитета общества являлся один из лидеров местных кадетов Д.Е. Лаппо [8. 1909. 1 дек.].

Таким образом, факты убедительно свидетельствуют о том, что инициатива в создании обществ обывателей и избирателей принадлежала либералам, и именно они задавали тон в определении направлений их деятельности. Вместе с тем к работе в этих организациях подключились и представители умеренного крыла социалистических партий [5. С. 30]. В Красноярске в числе учредителей общества значились социал-демократы В. Новодворский и А. Кузнецов (впрочем, в состав комитета они не вошли) [9. С. 334–335]. В Чите роль учредителей общества взяли на себя лидеры эсеро-областнического направления [3. С. 181]. Участие в деятельности обществ членов различных партий, а также беспартийных «прогрессивных элементов» ставит под сомнение правомерность трактовки предназначения этих организаций как инструмента усиления политического веса и влияния кадетов. Мнение черносотенцев, расценивших создание обществ как «одну из новейших кадетских затей» с целью провести «в гласные “своих”, т.е. чисто кадетских дельцов» едва ли может служить убедительным аргументом в пользу такой точки зрения [4. С. 135]. Более точное и адекватное представление о целях и общих принципах функционирования любой организации позволяет составить обращение к уставным документам, поскольку, как правило, они не несут идеологической нагрузки и не являются компонентом агитационно-пропагандистской деятельности.

Основные задачи общества обывателей и избирателей, согласно Уставу, заключались в «достижении возможнейшего благоустройства» городов, «в объединении и взаимном ознакомлении членов между собой в целях сознательного выбора гласных в думу, а также всестороннем ознакомлении членов общества с техникой и порядками городского хозяйства путем живого обмена мнений между гласными думы и обывателями и их избирателями» [6. Л. 5; 7. Л. 194; 10. С. 2–3]. Таким образом, изначально общества были ориентированы на выстраивание горизонтальных коммуникаций между населением и органами местного самоуправления, что должно было положительно сказаться на решении проблем городского благоустройства. Предусмотренная уставом возможность членства в обществах *всех* жителей города не моложе 25 лет вне зависимости от пола (как и персон, не проживающих в данном городе, но имеющих право по имущественному цензу быть городскими избирателями именно в этом городе) [6. Л. 5; 10. С. 1], создавала условия для привлечения к обсуждению вопросов городского управления широкого круга лиц и позволяла рассчитывать на формирование у горожан ощущения причастности к организации местного самоуправления, а вместе с тем и ответственности за

состояние дел в этой сфере. Сами же общества должны были представлять собой организационную форму коллективного взаимодействия граждан, потенциально способную претендовать на роль равноправного участника диалога с институтами власти.

В период избирательной кампании основные усилия обществ были направлены на повышение уровня гражданской активности и ответственности избирателей. Особое значение руководители организаций придавали составлению списков достойных, с их точки зрения, кандидатов в гласные и обеспечению им поддержки со стороны электората. По словам председателя красноярского комитета Д.Е. Лаппо, при отборе кандидатов первостепенное внимание обращалось на их работоспособность, деловитость и опытность, а отнюдь не на политические пристрастия [8. 1909. 11 нояб., 1 дек.]. Томский комитет обращался к избирателям с призывом «забыть партийные счеты и дать дорогу наиболее талантливым, наиболее энергичным и наиболее преданным интересам Томска» представителям различных сфер деятельности [Там же. 20 нояб.]. Этот рефрен в заявлениях комитетов обществ звучал неоднократно, а все подозрения в том, что общество является кадетским, отвергались самым решительным образом [Там же. 10 нояб., 21 нояб.; 11. 1910. 8 мая].

Стремясь придать демократичность процедуре выдвижения кандидатов, комитет томского общества обывателей и избирателей разослал списки избирателей членам общества и предложил отметить желательные кандидатуры [8. 1909. 27 окт.; 11. 1910. 10 янв.]. На основании 184 списков, возвращенных с пометками (всего было разослано около 400 экз.), комитет наметил кандидатов в члены городской думы. Составленный комитетом список получил одобрение на общих собраниях общества 8 и 15 ноября 1909 г. и 20 ноября был опубликован в газете «Сибирская жизнь» [8. 1909. 20 нояб.]. Сопоставление этого списка с имеющимися данными о членах либеральных партий в Томске [1. С. 670–680, 706–711] показало, что кадетами являлись лишь 14% (14 из 100) кандидатов общества обывателей и избирателей. 11% от общего числа лиц, включенных в этот список, в разное время состояли в рядах «Союза 17 октября», причем двое из них еще в 1906 г. выступили учредителями черносотенного по своей политической ориентации «Русского народного общества за Веру, Царя и Отечество». Тот факт, что 75% кандидатов в члены городской думы составляли горожане, членство которых в какой-либо политической партии установить не удалось, можно, по-видимому, расценивать как своего рода подтверждение внепартийного характера этой общественной инициативы. По весьма приблизительным подсчетам В.В. и В.Г. Третьяковых [3. С. 182], в выставленном красноярским обществом обывателей и избирателей списке кадеты составляли 15–30% от общего числа кандидатов, а потому и в этом случае нет оснований для однозначного утверждения о стремлении обеспечить доминирование в думе своим идейным

единомышленникам. В частности, в этот список были включены и лица с черносотенными убеждениями на том основании, что они «удовлетворяют условиям правильной и полезной общественной деятельности» [8. 1909. 1 дек.].

Агитация, проводившаяся обществами обывателей и избирателей накануне выборов в городские думы, в ряде случаев заметно повлияла на их исход. Так, большинство избранных гласными городской думы на 1911–1914 гг. в Барнауле были рекомендованы именно обществом обывателей и избирателей [11. 1910. 21 нояб.]. На выборах в Томске из 64 человек, получивших большинство избирательных голосов, 54 являлись кандидатами общества обывателей и избирателей [Там же. 8 мая]. В Красноярске и Чите не менее 50% гласных были избраны из числа кандидатов этих обществ [3. С. 182]. Успех сопутствовал кандидатам общества и на городских выборах в Иркутске. Согласно информации, поступившей на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления, общество «сумело провести в новый состав гласных городской думы довольно значительное число лиц» [7. Л. 174, 194]. Собственный корреспондент газеты «Сибирская жизнь» в Иркутске считал прямой заслугой общества заметную активизацию избирателей, провал на выборах членов управы и многих видных гласных из среды местного купечества, «являвшихся приверженцами добрых старых порядков в области городского управления и хозяйства», и замену их «прогрессивными элементами» [8. 1909. 3 дек.]. Несмотря на серьезную конкуренцию со стороны «стародумцев» и чиновничества, сгруппировавшегося вокруг «Союза Михаила Архангела» и редакции черносотенной газеты «Голос Сибири» [Там же. 1914. 14 мая], в городскую думу Омска на 1910–1913 гг. были выбраны как лидеры местной кадетской организации, так и руководители действовавшего в годы Первой революции омского комитета «Союза 17 октября» [12. Л. 1, 3, 13, 17, 161].

Представительство кандидатов обществ обывателей и избирателей в новом составе городских дум, казалось, давало шанс на практическую реализацию программы, намеченной в период избирательной кампании. 27 октября 1909 г. в газете «Сибирская жизнь» был опубликован «Проект желательной программы будущей деятельности томской городской думы, выработанный комитетом общества обывателей и избирателей». Программа предусматривала комплекс мер: *в области народного образования* (введение бесплатного и общедоступного начального образования, развитие системы внешкольного и низшего профессионального образования, улучшение материального положения учащихся в городских школах и пр.), *в сфере медицины и санитарии* (бесплатное больничное лечение для малоимущих, увеличение числа коек в больницах и т.п.), *городского благоустройства* (мостовые, мосты, освещение, осушение), *городских финансов* (обращение к правительству с ходатайством о реформе системы городского обложения, в частности о введении городского подоходного

налога, строгая экономия в хозяйственных расходах, установление контроля думы над ведением всего городского хозяйства и др.), а также *меры попечения о нуждах населения* (удешевление предметов первой необходимости посредством организации хозяйственных заготовок от города для продажи, устройство городских попечительств о бедных, создание городской биржи труда для ищущих работу и т.п.) [8. 1909. 27 окт.]. Аналогичные по своему характеру мероприятия были намечены и в докладе «Наши очередные задачи», с которым на собрании иркутского общества обывателей и избирателей выступал член комитета кадет П.И. Федоров [11. 1910. 2 февр.].

Таким образом, программа действий представителей обществ в качестве гласных думы была лишена какой бы то ни было политической окраски и фокусировалась исключительно на решении городских проблем. Соответственно, эти планы не имели никаких точек соприкосновения и с программными положениями кадетской партии по вопросам местного самоуправления [13. С. 54]. Тем не менее в целом предполагавшийся вектор деятельности обществ, как и сам по себе замысел их создания, в полной мере соответствовал либеральной стратегии общественного развития.

Считая реорганизацию системы местного самоуправления важной составляющей реформирования государственного строя, либералы были убеждены в том, что решение подобных вопросов относится к числу прерогатив законодательной власти. Эта позиция нашла свое отражение в нормативных документах обществ обывателей и избирателей. Так, §7 Устава общества обывателей и избирателей г. Томска гласил: «В Обществе обсуждаются только вопросы, подлежащие ведению Городской Думы, согласно действующего Городового Положения» [10. С. 3]. Вполне естественно, что и программа, которой рекомендовалось придерживаться представителям общества в городской думе, не выходила за рамки законодательно очерченной зоны компетенции органов местного самоуправления. Вместе с тем либерально настроенное меньшинство полагало, что для успеха реформ «сверху» абсолютно необходима поддержка «снизу», а потому одну из своих задач видело в содействии становлению городских дум в качестве «организованной формы общественной самодеятельности» [8. 1905. 18 нояб.]. Не последняя роль в решении этой задачи отводилась обществам обывателей и избирателей.

Газета «Сибирская жизнь» писала: «Для скорейшего и всестороннего освещения многих вопросов на помощь городской думе должно прийти общество обывателей и избирателей, в рядах которого много общественных работников, обладающих знаниями и опытом по всем отраслям городского хозяйства. Общество должно работать самым энергичным образом, а в некоторых случаях даже брать на себя инициативу разработки тех или иных вопросов» [8. 1910. 31 янв.]. На плодотворную работу общества «параллельно с новой

управой и думой» рассчитывали и либералы Красноярска [8. 1910. 16 апр.].

Общество обывателей и избирателей представлялось либералам своеобразной «маленькой думой», обладающей несомненными преимуществами перед городским самоуправлением ввиду доступности для любого жителя города, желающего поставить какие-либо проблемы городского хозяйства и потребовать их разработки, а также ввиду отсутствия заформализованности в его деятельности. «Такая подвижная и легкодоступная организация, как комитет – исполнительный орган общества обывателей, может в любое время внести в городскую думу соответствующий доклад и повлиять на разрешение вопроса в указанном направлении», – уверяла читатель газета «Сибирская жизнь» [Там же. 23 янв.].

Однако иллюзии либералов по поводу возможного воздействия возглавлявшихся ими обществ обывателей и избирателей на деятельность городского самоуправления были решительно развеяны местной администрацией. В январе 1910 г. в ответ на просьбу комитета барнаульского общества допустить его представителей к участию в заседаниях думы и городских комиссий, а также разрешить ознакомиться с документацией городской управы последовал протест городского головы против «активного вмешательства в дела городского общественного управления» [6. Л. 24, 25]. Томский губернатор однозначно отказал в удовлетворении просьбы. В заключении томского губернского управления руководителям общества напоминалось, что таковое «не только не относится к числу распорядительных или исполнительных органов в деле городского хозяйства, но даже городская дума не имеет права... возложить на него обязанности подготовительных комиссий». Констатируя, что «названное общество вышло из пределов предоставленных ему его уставом прав при достижении своих целей», губернское управление приняло меры для «разъяснения» обществу сферы его компетенции [Там же. Л. 22, 26]. В Омске администрация изыскала правовое основание для пресечения активности общества обывателей и избирателей в разъяснении Сената, признававшем недопустимость параллельной деятельности общества и городского самоуправления [8. 1910. 13 июня].

Таким образом, надежды, которые либералы возлагали на общества обывателей и избирателей, не оправдались. Их неспособность при существовавшей системе административных запретов и притеснений повлиять даже на решение проблем городского масштаба вызвала разочарование как у руководителей, так и у рядовых членов. После проведения городских выборов деятельность этих организаций постепенно сходит на нет, резко снижается интерес к ним населения. Газета «Сибирская жизнь» вынуждена была констатировать убежденность жителей Томска в том, что главная роль общества обывателей и избирателей с окончанием выборов в городскую думу выполнена и дальнейшая его деятельность не может представлять большого интереса и

значения [Там же. 23 янв.]. В красноярском обществе с декабря 1909 г. перестали созываться общие собрания и заседания комитета. Члены комитета начали выходить из него, «не считая для себя возможным только числиться в этом звании», а у рядовых членов «отпала всякая охота к работе и утрачена всякая надежда на деятельность комитета» [Там же. 16 апр.]. Иркутское общество после завершения избирательной кампании также, по информации органов полиции, «никаким массовым выступлением о себе не заявляло и деятельность его... была направлена главным образом к вербованию возможно большего числа членов» [7. Л. 195].

Действительно, в условиях стремительного распада обществ обывателей и избирателей либералы вынуждены были прежде всего сконцентрировать внимание на пополнении их рядов. Однако призывы активно включиться в деятельность общества уже не находили отклика у горожан. Осенью 1909 г. общие собрания отличались многочисленностью и оживленностью. В омское и томское общества записалось тогда приблизительно по 300 человек [8. 1909. 3 нояб.; 1910. 23 янв., 10 марта]. После же проведения выборов собрания стали посещать лишь очень незначительные группки горожан. На собрании томского общества 2 февраля 1910 г. присутствовали около 50 его членов, а 4 апреля удалось собрать уже только 30–40 человек [Там же. 1910. 4 февр., 8 апр.]. В Красноярске собрание членов общества 21 марта 1910 г. посетили менее 20 человек с учетом членов комитета. Для обсуждения же вопроса о ликвидации красноярского общества на собрание 4 декабря 1911 г. из 187 членов явились лишь 10 [Там же. 1910. 15 апр., 16 апр.; 1911. 10 дек.].

Все попытки либералов добиться оживления деятельности обществ обывателей и избирателей наталкивались на пассивность их членов. Среди членов иркутского общества, например, не нашлось желающих принять участие в деятельности комиссий по разработке вопросов, намеченных программой общества [11. 1910. 17 февр.]. Стремление руководства поправить бедственное финансовое положение общества путем увеличения членских взносов, являвшихся единственным источником денежных поступлений, также не вызвало сочувствия у большинства членов [Там же. 3 февр.]. Либералы Омска намеревались придать новый импульс деятельности общества обывателей и избирателей путем пересмотра некоторых его уставных положений. В частности, предлагалось заменить членов правления общества, избранных в городскую думу, новыми, чтобы обеспечить роль общества «как выразителя приговора общественного мнения над деятельностью гласных». Ставился омиачи и вопрос о необходимости «регулярного, а не случайного созыва общих собраний членов общества, что... уставом не предусмотрено, но легко может быть применено в практике» [8. 1910. 10 марта].

В конечном итоге превратить общества обывателей и избирателей в постоянно действующие организации так и не удалось. По распоряжению Министерства

внутренних дел во второй половине 1910 г. общества обывателей и избирателей были повсеместно закрыты [8. 1910. 25 авг., 16 сент.; 11. 1910. 29 авг.; 14. 1910. 7 сент.; 15. Л. 293]. Этот акт местные либералы восприняли как яркий пример правительственной политики подавления всех ростков общественной самодеятельности и общественного самосознания. Расценивая подобную политику как «борьбу против самых основ того общественного строя, при котором население призвано быть активным деятелем государственной жизни», редакция газеты «Сибирская жизнь» сочла ее совершенно неуместной в конституционном государстве и противоречащей принципам свободы, провозглашенным в Основных законах империи [8. 1910. 25 авг.]. Поток жалоб от руководителей закрытых обществ захлестнул правительствующий Сенат, но все они были оставлены без последствий [Там же. 25 авг., 14 окт., 19 окт., 4 нояб.].

Общества обывателей и избирателей не смогли выполнить возлагавшуюся на них миссию. Вполне успешно справившись с ролью своеобразного предвыборного штаба, они встретили решительный отпор со стороны властных структур при попытке модернизировать систему местного самоуправления на основе учета мнений и интересов горожан. Более того, в известной мере либералы получили результаты, прямо противоположные тем, на которые рассчитывали. Устойчивые позиции консерваторов в большинстве городских дум Сибири, поддержка, оказывавшаяся им со стороны администрации и влиятельных кругов цензовой буржуазии, бдительный контроль властей за деятельностью либералов, индифферентность и пассивность большинства горожан блокировали попытки выстроить эффективную систему взаимодействия органов самоуправления и общественности. В свою очередь, явная неспособность обществ обывателей и избирателей сколько-нибудь заметно преобразить систему городского самоуправления породила разочарование и не могла не повлиять негативно на мотивацию гражданской активности.

Анализ опыта обществ обывателей и избирателей как своего рода проектной модели организации местного самоуправления предполагает дифференцированный подход к определению их роли и значения в «идеальном» (на уровне замыслов) и «технологическом» (практика воплощения замыслов) измерениях.

Замыслы организаторов обществ обывателей и избирателей были созвучны либеральным представлениям о конституционном строе, правовом государстве, гражданском обществе. Этот контекст нельзя упускать из виду при определении стратегической направленности их деятельности. Объяснение данной инициативы

исключительно стремлением «либеральных элементов приблизиться к непосредственному участию в управлении общественной жизнью, приобрести массовую опору в среде населения» [3. С. 185] смещает акцент на тактические маневры (которые, безусловно, имели место), а потому представляется несколько упрощенным.

Местному самоуправлению отводилась важная роль в либеральной теории гражданского общества. Привлечение общественности к решению вопросов в сфере местного самоуправления (а именно в этом, по-видимому, и состояла первоочередная цель обществ обывателей и избирателей) было призвано обеспечить двойной эффект: сделать власть более открытой и тем самым создать необходимые гарантии законности и целесообразности управления, с одной стороны, и при этом придать дополнительный импульс развитию гражданской инициативы и ответственности – с другой [16. С. 78–79]. В соответствии с замыслом учредителей и руководителей комитетов общества обывателей и избирателей должны были стать формой организации коллективных действий с целью обеспечения демократизации системы местного самоуправления в Сибири и важным шагом на пути формирования культуры гражданского участия в деятельности соответствующих институтов.

Однако выход на «технологический» уровень, связанный с практической реализацией намеченного, оказался сопряжен с мощным корректирующим воздействием целого ряда факторов реальной социально-политической ситуации. В результате попытки выстроить горизонтальные, основанные на принципе обратной связи отношения власти и населения в формате системы местного самоуправления потерпели фиаско. Диалог власти и общества, на который рассчитывали инициаторы либерального проекта, так и не стал реальностью. При этом либералы получили дополнительную возможность убедиться в обоснованности своих представлений о возможности реорганизации системы местного самоуправления только при условии проведения общеполитических реформ.

При отсутствии институциональных основ для гражданского общества любая инициатива «снизу» жестко блокируется «сверху», а это, в свою очередь, оказывает деморализующее и демотивирующее воздействие на население. Однако в долгосрочной перспективе невосприимчивость к сигналам общественности и ригидность власти чреватые не только протестными настроениями, но и мощными социальными взрывами. Одним из множества эпизодов в продвижении Российской империи по этому пути в начале XX в. стала история обществ обывателей и избирателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.
2. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск : Изд-во Том.ун-та, 1978. 170 с.
3. Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 240 с.
4. Толочко А. П. К истории организационной деятельности либералов в Сибири в 1907–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 133–137.
5. Макаруч С.В., Звягин С.П. Гражданская культура городского населения Сибири: местное самоуправление во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4 (33-2). С. 24–32.

6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 6481.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 601. Оп. 1 Д. 116.
8. Сибирская жинь. Томск.
9. Макачук С.В. Партийно-политическое влияние в городском самоуправлении Красноярска. 1905–1917 гг. // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации. Кемерово, 2005. С. 334–340.
10. Устав общества обывателей и избирателей гор. Томска. Томск, 1909. 8 с.
11. Сибирь. Иркутск.
12. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 25.
13. Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М. : РОССПЭН, 1996. С. 51–58.
14. Речь. СПб.
15. ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 138.
16. Вострикова В.В. Гражданское общество в теории нового российского либерализма (конец XIX – начало XX вв.) // Сергей Александрович Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 70–80.

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

SOCIETIES OF INHABITANTS AND VOTERS IN SIBERIA AS A LIBERAL PROJECT FOR ORGANIZATION OF THE LOCAL GOVERNMENT

Keywords: municipal government; Siberia; liberalism; beginning of the 20th century.

The author aims to identify the role and significance of the Societies of inhabitants and voters (*Obshchestvo obyvatelei i izbiratelei*) for social and political life in Siberia. To do that, the author has conducted a comprehensive study of the organizational basis, goals, aims and objectives, main directions, and results of the work of these Societies in 1909–1910. The research is based on such primary sources as unpublished documents of the local administration, and materials of the regional press, which contained the information on meetings of the Societies, number of their members, initiatives of their leaders, and on how people reacted to these initiatives. The analysis of the bylaws of the Societies shows that their main mission was to ensure meaningful cooperation between citizens and the local government regarding municipal improvement. The slates of the Societies' candidates at the elections to the city dumas demonstrates that the majority of these candidates were non-partisan. Their agenda as the members of the city dumas did not have any political overtone and focused only on solving the problems of the city. At the same time, the author came to a conclusion that, overall, their strategy of social and political development was liberally oriented. The facts presented in the article prove that the creation of the Societies of inhabitants and voters was initiated by the liberals, and it was the liberals who set a tone to the work of the Societies. During the electoral campaign to the city dumas, the Societies directed their main efforts towards increasing social activity and responsibility of voters. The leaders and the active members of the Societies believed that once their representatives were elected to the self-government bodies, they would be able to participate directly in solving the problems of the municipal improvement. But these intentions were strongly opposed by the authorities. In the second half of 1910, the Ministry of the Internal Affairs ordered to close the Societies of inhabitants and voters. When studying the experience of the Societies as a project model for the organization of the local governance, the author suggests a differentiated approach to identification of their role and significance in the "ideal" and the "technological" dimensions. The ideas of the initiators of the Societies of inhabitants and voters were consonant with liberal views on the "state of law" and the civil society. In practice, the attempts to build horizontal communication between the authorities and citizens in a format of self-government system failed. This fact proves the validity of the assumption that the reorganization of the system of local self-government was possible only if the whole political system was reformed.

REFERENCES

1. Kharus, O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia in the early 20th century]. History Doc. Diss. Tomsk.
2. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuazii v politicheskuyu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie in political power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Tretyakov, V.V., & Tretyakov, V.G. (1997) *Kadety Vostochnoy Sibiri v 1905 – 1907 gg.* [Cadets of Eastern Siberia in 1905–1907]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Tolochko, A.P. (2012) On the history of the organizational activities of the Liberals in Siberia in 1907–1914. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(20). pp. 133–137. (In Russian).
5. Makarchuk, S.V. & Zvyagin, S.P. (2015) *Grazhdanskaya kul'tura gorodskogo naseleniya Sibiri: mestnoe samoupravlenie vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka* [Civil culture of Siberian urban population: local self-government in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4(33-2). pp. 24–32.
6. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 3. File 6481.
7. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 601. List 1. File 116.
8. *Sibirskaya zhin'*. (Tomsk).
9. Makarchuk, S.V. (2005) *Partiyno-politicheskoe vliyanie v gorodskom samoupravlenii Krasnoyarska. 1905 – 1917 gg.* [Party and political lobbying in the city self-government of Krasnoyarsk. 1905–1917]. In: *Aktual'nye problemy mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Topical problems of local self-government in the Russian Federation]. Кемерово: [s.n.]. pp. 334–340.
10. Society of Residents and Voters of Tomsk. (1909) *Ustav obshchestva obyvateley i izbirateley gor. Tomsk* [Charter of the Society of Residents and Voters of Tomsk]. Tomsk: [s.n.].
11. *Sibir'*. (Irkutsk).
12. The State Archives of the Omsk Region (GAOO). Fund 30. List 1. File 25.
13. The Constitutional Democratic Party. (1996) *Programma konstitutsionno-demokraticheskoy partii (partii narodnoy svobody)* [Program of the Constitutional Democratic Party (Party of People's Freedom)]. In: Pavlov, D.B. & Shelokhaev, V.V. (eds) *Rossiyskie liberaly: kadety i oktyabristy* [Russian liberals: Cadets and Octobrists]. Moscow: ROSSPEN. pp. 51–58.
14. *Rech'*. (St. Petersburg)
15. The State Archives of the Omsk Region (GAOO). Fund 190. List 1. File 138.
16. Vostrikova, V.V. (2010) *Grazhdanskoe obshchestvo v teorii novogo rossiyskogo liberalizma (konets XIX – nachalo XX vv.)* [Civil society in the theory of new Russian liberalism (the late 19th – early 20th centuries)]. In: Shelokhaev, V.V. et al. *Sergey Aleksandrovich Muromtsev – predsedatel' Pervoy Gosudarstvennoy dумы: politik, uchenyy, pedagog* [Sergey Alexandrovich Muromtsev – Chairman of the First State Duma: politician, scientist, teacher]. Орел: ID Orlik. pp. 70–80.